

Вася хочеть непремѣнно сдѣлать его ученымъ, а я — художникомъ, и вчера мы такъ заспорили объ этомъ, конечно, шутя, что съ крикомъ обѣгали всѣ комнаты, забывъ совершенно, что мнѣ запрещены такія быстрыя движенія. И когда мы, наконецъ, остановились въ моемъ будуарѣ, какъ разъ подъ розовымъ фонаремъ, Вася выказалъ мнѣ такое участіе и столько ласки по поводу того, что я плохо выгляжу, что я никакъ не могла понять, какъ могли два человѣка, такъ тѣсно связанныхъ между собой, наговорить другъ другу столько непріятностей изъ-за такого пустяка, какъ этотъ фонарь. Ахъ, эта чудная надежда на будущее дитя залѣчила всѣ наши раны и еще больше сблизила наши сердца. Мы живемъ теперь исключительно другъ для друга: я совершенно отказалась бывать въ обществѣ, а Вася, который удѣляетъ поцрежнему нѣкоторые дни охотѣ, всякий разъ возвращается ко мнѣ еще болѣе нѣжнымъ и ласковымъ. Какъ это ни странно, я бываю рада этимъ рѣдкимъ днямъ полнаго одиночества! Въ такие дни я могу безпрепятственно отдаваться своимъ мыслямъ, по большей части печальнымъ, и часто оплакиваю свою будущую смерть, которая кажется мнѣ такой неизбѣжной въ теперешнемъ моемъ положеніи. Я ясно представляю себѣ, какъ Вася съ рыданіями стоитъ надъ колыбелью покинутаго мною ребенка, и тогда во мнѣ просыпается какая-то особенно горячая любовь къ жизни, ребенку, мужу и къ себѣ самой, и я плачу, плачу,